

УДК 81

ББК 81.411.2

DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.4/3087>

ИНДЕКС МОРФОНЕМ И. Б. ИТКИНА И ФОНЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА

А. А. Кретов

Воронежский государственный университет

I. B. ITKIN'S INDEX OF MORPHONEMES AND PHONEMES
OF THE RUSSIAN LANGUAGE

A. A. Kretov

Voronezh State University

Аннотация: в статье дается сопоставление Индекса русских морфонем по И. Б. Иткину с составом фонем, представленных в исконных русских морфемах, выделяемых Казанской фонемологической школой (КФШ). Вначале выявляется совпадение 21 морфонемы с 21 (из 23) фонемой КФШ, а затем обсуждаются расхождения в трактовке глайдов {И/Й}, {У/В}; заимствованных звуков /ф/ (в исконных морфемах согласный /ф/ находится в отношениях дополнительного распределения с неслоговым вариантом сонанта {У/В}); корреляции по твердости-мягкости – она признается позиционно обусловленной, т. е. нефонематичной; шипящих и аффрикат – они являются либо аллофонами (позиционно обусловленными вариантами) заднеязычных фонем, либо полифонами (представителями двух и более фонем одновременно), а также в трактовке казусов и аномалий: /к/, чередующегося с /т'/ (ср. пускать-пустить) и беглого ударного /е/, чередующегося с /'о/ (ср. Лев-Льва-Лёва). Предлагается устанавливать фонемный состав исконной подсистемы на основании минимальных пар исконных слов (минимальная пара, содержащая заимствованное слово или состоящая из заимствованных слов, позволяет установить фонемный состав интернациональной подсистемы фонем), а также учитывать иерархию языковых уровней: приоритет интересов лексики над интересами морфологии и фонетики, а интересов морфологии – над интересами фонетики.

Ключевые слова: Казанская фонемологическая школа И. А. Бодуэна де Куртенэ и С. И. Бернштейна, фонемы КФШ и морфонемы МФШ, состав исконных русских фонем и принципы их выделения, сопоставление с индексом морфонем И. Б. Иткина.

Abstract: the paper compares the Index of Russian morphonemes according to I. B. Itkin and the nomenclature of phonemes in original Russian morphemes as described by the Kazan phonemological school. Firstly, the correspondence of 21 phonemes (out of 23) is discussed. Then the differences between the rendering of the glides {I/J} and {U/V}, borrowed sounds /f/ (in the original morphemes the consonant /f/ is in complementary distribution with the non-syllabic variant of the sonant {U/V}); there is a correlation of hardness and softness of sounds – it is positionally dependent, i.e., is not phonematic; hushing sounds and affricates – they are either allophones (positionally defined variations) of the gutturals or polyphones (samples of two or more phonemes); also the paper discusses cases and anomalies such as alternations of /k/ and /t'/ (e.g. 'puskat' – pustit') and the mobile vowel /e/ which alternates with /'o/ (e.g. Lev – L'va – L'ova). It is suggested to define the body of phonemes of the original subsystem on the basis of the minimal pairs of original words (a minimal pair with a borrowed word or two borrowed words allows to define the body of phonemes in the international phonematic system). Also, the hierarchy of the levels of language should be taken into account: the priority of the interests of the lexical level over the interests of morphology and phonetics, and the interests of morphology over the interests of phonetics.

Key words: I. A. Baudouin de Courtenay and S. I. Bernshtein's Kazan phonemological school, phonemes according to the Kazan school, phonemes according to the Moscow school, the set of original Russian phonemes and the principles of their selection, comparison to the I. B. Itkin's Index of morphonemes.

© Кретов А. А., 2020

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Введение

Казанская фонемологическая школа создана И. А. Бодуэном де Куртенэ в Казанском университете в 1880-е гг. [1, т. 1, с. 118–126] и развита его учеником по Санкт-Петербургскому университету С. И. Бернштейном в 1930-е гг. [2]. Все учебники пишут о Московской и Ленинградской фонологических школах, не упоминая о Казанской¹. Цель данной статьи – отчасти восполнить этот пробел.

Даже уровень морфонема – самый высокий уровень обобщения, представленный в научной литературе, оказывается недостаточно высок для «казанских» фонем или, по С. И. Бернштейну [2], «фонем третьей степени обобщения».

Для иллюстрации и анализа этих расхождений рассмотрим и прокомментируем «Индекс морфонема русского языка», предлагаемый И. Б. Иткиным в последнем по времени и самом детальном описании морфонологии современного русского языка [3, с. 262–263].

Согласие

Прежде чем переходить к обсуждению **расхождений**, выделим корпус из 21 *морфонема*, которые мы считаем **фонемами**: {п}; {б}; {т}; {д}; {к}; {г}; {с}; {з}; {х}; {м}; {н}; {л}; {р}; {а}; {ы}; {о} *дом-домá*; {o'}={Б} *лоб-лбá*; {e₁}={ѣ} *лес-лэса-лесá*; {e₂}={Е} *селó-сэла*; {e₃}={Б} *песéц-пэс-пса*; {ʔ}-{i} *плетка-плеть*; *один-одногó-одна-однi*, *плести-плеть-плету* (– *Полно, полно плести лапти-то! Я сам их мастер плеть!* – *остановил меня старичок* (В. Астафьев. Последний поклон (1968–1991) – НКРЯ).

Расхождение в трактовке глайдов

Особого разговора заслуживают фонемы-глайды, в немаркированном варианте реализующиеся в своем слоговом варианте, а в маркированном – в неслоговом: 23-я фонема {У}, реализующаяся в вариантах /у/-/в², и 24-я фонема {И}, реализующаяся в вариантах /и/-/й³.

Носовые {М}-{Н} и плавные {Р}-{Л} сонанты отличаются от глайдов тем, что у них немаркированным (типичным) вариантом является неслоговой (*вётРа*), а маркированным – слоговой (*вётЕР⁴*).

¹ Иногда С. И. Бернштейна чисто формально и совершенно не обоснованно причисляют к ЛФШ.

² Неслоговой вариант /в/ в абсолютном конце слова и перед глухими согласными реализуется в виде заимствованного вместе с греческими словами согласного звука /ф/.

³ У И. Б. Иткина {j} – отдельная морфонема [3, с. 263].

⁴ В слове *вётЕР* выделенный /e/ не является самостоятельной фонемой: это не тот {Б}, что проявляется в *пень-ння-пёнышек*. Это вокалический пазвук /^h/ слогового варианта фонемы {Р} – /^hр/, в котором реализуется сонант в позиции абсолютного конца слова после неслогового звука. Ср. дизный (смягчающий) пазвук той же фонемы в слове *бобёр* /баб^hр/. Закономерности распределения пазвуков не установлены.

Поэтому их традиционно причисляют к согласным, а глайды – к гласным, что одинаково неверно: сонанты – не гласные и не согласные, а особый – безразличный к признаку слоговости/не-слоговости – класс фонем.

Расхождение в трактовке заимствованных звуков

В число русских морфонема И. Б. Иткин включил морфонема {ф} и {ф'}. Первую он проиллюстрировал словом *филин*, этимология которого не установлена⁵ и которое не возводится ни к одному славянскому корню (в ЭССЯ раздел на букву *f отсутствует [5, вып. 6, с. 75–76]), а вторую – заимствованным словом *верфь*, сопроводив комментарием: «в исконно славянских словах не встречается» [3, с. 262]. А как же быть с исконно славянскими словами *кров* и *кровь*, в которых встречаются, правда, не «морфонема», а фонемы /ф/ и /ф'/?

Следует сказать, что в рассмотренном случае заимствованный из интернациональной подсистемы фонем звук /ф/ представляет не фонему {ф}, как, например, в минимальной паре *фон* – *вон*. Сопоставление заимствованного слова с исконным – способ обнаружения фонем в интернациональной подсистеме, а не в исконно русской. При исследовании исконно русской системы фонем оба члена минимальной пары должны быть исконными.

Чередование же Ф-В-В': *кро/ф/* – *кро/в/а* – *о кро/в'/е* и Ф'-В-В': *кро/ф'/* – *кро/в/авый* – *кро/в'/и* свидетельствует о том, что [В] – неслоговой вариант глайда {У}, «вступил в сговор с иностранным агентом – греческим согласным /ф/ с целью внедриться в систему консонантов, выдав себя за согласную фонему и создав видимость корреляции по звонкости-глухости, твердости-мягкости». Судя по большинству описаний фонетики русского языка, эта попытка почти что увенчалась успехом. Сонантный характер /в/ выдают только глухие согласные, «не желающие признавать» в нем звонкий согласный и озвончаться перед ним, продолжая сохранять перед ним свою глухость, как перед всеми остальными сонантами {Р, Л, М, Н}, не входящими в корреляцию по глухости-звонкости.

При этом звонкие согласные «признают» консонантный, а не сонантный характер фона /ф/ и оглушаются перед ним: *подфартить* /пѣтфарт'Ит'/, *подфарник* /тф/, *предфинальный* /тф/, *трудфронт* /тф/, *медфак* /тф/; *стагфляция* /кф/; *рабфак* /пф/, *суб-*

Преобладают случаи контрастного распределения: после недиезного гласного – диезный пазвук, а после диезного гласного – недиезный. Слоговость {Л}, {М}, {Н}, {Р} можно назвать вынужденной или факультативной.

⁵ «Все существующие этимологии недостоверны... Возможно, сокращение имени собств. *Филимон* из греч. ...» [4, т. IV, с. 194].

фосильный /пф/; межфабричный /шф/, межфакультетский /шф/, межферменный /шф/; *безфарный*⁶ /сф/ и др.

Именно это ценное и беспристрастное свидетельство позволяет нам считать {Ф} в русском языке согласным из интернациональной подсистемы фонем, а чередование /в/-/ф/ и /в'/-/ф'/ в исконно русских морфемах – следствием «протеизма» глайдов, стремящихся как в слоговом, так и в неслоговом вариантах войти (так сказать, «проникнуть») во все возможные корреляции гласных или согласных соответственно. Образно говоря, глайды – это фонемы-«хамелеоны»: в слоговом варианте они стремятся скопировать все корреляции гласных (ср. их поведение в и.-е. языке), а в неслоговом – все корреляции согласных.

С помощью [Ф] сонант [В] ведет себя как типичный консонант, создавая видимость оглушения перед глухими согласными, но не может «заставить» истинные консонанты озвончаться перед ним, как перед звонким согласным.

Расхождение в трактовке корреляции по твердости-мягкости

В соответствии с традицией И. Б. Иткин видит корреляцию по твердости-мягкости и у морфем. При этом в центре внимания исследователя оказываются мягкие финалы (ауслат) корневых морфем и суффиксов, варьирование которых по признаку С' ~ С (именно в такой последовательности) описано в разделе 2.3.5 [3, с. 106–120]. Итог исследования следующий: «МФН-поведение корней и суффиксов с исходом на мягкий согласный <...> может быть описано при помощи нескольких... правил.

1. Морфемы типа I (имеющие в ауслате исходно мягкий согласный) подвергаются чередованию С' ~ С перед нулевыми словообразовательными суффиксами, а также перед суффиксами |о'к₁| |о'к₅| |о'к₇| и – частично – |о'к₃| и |о'к₄| и сохраняют С' в остальных случаях.

2. Морфемы типа II (выступающие в субстантивном склонении и в сочетании с ТМ {’О}) сохраняют {’О} перед суффиксами *-ов(ый)*, *-ов* и *-оват(ый)* и теряют его перед всеми прочими суффиксами.

3. Особым образом ведет себя суффикс *-ть*, никогда не сохраняющий {’О} за пределами словоизменительной парадигмы».

«Морфонологическая интерпретация корней типа I, – пишет И. Б. Иткин, – однозначна: их конечные согласные, несомненно, являются исходно мягкими» [3, с. 111]. Мягкость конечных согласных корней типа II, по мнению И. Б. Иткина, «не является

ингерентной, <...> она вызывается особой единицей, стоящей между основой и флексиями – морфемной» – {’Ø} [3, с. 11]; «... этот элемент (“нуль-смягчающий”) не относится ни к корню, ни к флексии и не обладает собственным значением, т. е. представляет собой тематическую морфему» [Там же, с. 112].

К типу I относятся преимущественно морфемы на *-ль*, *-нь*, *-рь* [3, с. 109]. Сонорные Р', Л', Н' с так называемой «ингерентной» (исконной) мягкостью могут быть интерпретированы как бифоны /р'/р^л/, /л'/л^л/, /н'/н^л/, представляющие сонорные с последующим йотом⁷.

В этом отношении показателен глагол *гулять*, в котором И. Б. Иткин видит «ингерентный» {Л'}. Достаточно сравнить это слово с глаголами *валить* < *валить*, *пулять* < *пулить*, *удалять* < *удалить*, *накалять* < *накалить*, *похвалять(ся)* < *похвалить(ся)*, *умалывать* < *умалить*, *опалять* < *опалить*, *утолять* < *утолить* и др., чтобы догадаться о системно обязательном образовании глагола *гулять* от *гулить*⁸.

Что касается «ингерентных» мягких зубных, то их можно пересчитать по пальцам.

На /д'/ упоминаются *дядя*, *медь*, *дождь*, на /т'/ – *зять*, *тесть*⁹, *батя*, (и возможно, *тятя*, хотя И. Б. Иткин это слово не приводит) на /с'/ – *весь*, *авось* [3, с. 109].

Слово *медь* реконструируется для праславянского языка, однако «общепризнанной этимологии праслав. лексема не имеет» [5, вып. 18, с. 145]. «Наиболее вероятной в последнее время считается гипотеза В. И. Абаева о заимствованном происхождении праслав. *měďь: эта лексема возводится к названию страны Мидии», в которой находились ближайшие для славян меднорудные районы. Перенос на металл, названия места его добычи у славян имеет аналогию у римлян: «лат. *cuprum* ‘медь’ – от названия о. Кипр» [5, вып. 18, с. 146]. Таким образом, слово *медь* отпадает как темное и, скорее всего, заимствованное.

⁷ Ср. у И. Б. Иткина: «Аналогично корням типа I ведут себя существительные с исходом на л', образованные от глаголов с помощью суффикса |j|₃, ср. *неделя* (< *делать*)..., *постель* (< *стлать*...)» [3, с. 110], «В этот же класс входит и образованное от глагола *велеть* с помощью |j|₃ слово *воля*: ср. *волюшка*, но *произвол*, *самоволка*» [там же, с. 113].

⁸ «В формальном плане **gul'ati* – итератив-дуратив к гл. на *-iti*, каковыми является *guliti, с которым его объединяют значения ‘шутить’, ‘потешаться’ ~ ‘веселиться’, видимо, все-таки старшие по отношению ко многим другим (напр. ‘веселиться → ‘проводить время праздну’, ‘валиться’ и т. п.) и, в свою очередь, вторичные к ‘драть’ (ср. сербохорв. *g'uliti*)» [5, вып. 7, с. 172].

⁹ Слово *мѣща* < *mbstjā указывает (как словц. и др.-чеш. *test* [6, с. 125]) на основу *тест-*, а не *тест'*, предполагающую тематический гласный *-i-*: форма *mbstijā дала бы *тестья, как *гость* > *гостья* (*gostija), а пара *ТЕСТЬ-ТѢЩА* подобна парам *ЧАСТый (лес)* > *ЧАЩа*, *ПУСТая* (местность) > *ПУЩа*, *РОСТ* (деревьев) > *РОЩа*.

⁶ «Ну и заодно наконец поменял еврофары на японские, мне жутко не нравятся поворотники в бампере, бампер отключил и он будет заменен на *безфарный*». URL: <https://www.drive2.ru/l/527852443824816759/> (дата обращения: 11.07.2020).

Тоже заимствованное слово *сельдь* [4, т. 3, с. 597] ведет себя иначе: ср. *селёдка, селёdochка*.

Вероятно, всё дело в том, что слово *медь* было заимствовано до праславянского процесса «сокращения основ в пользу окончаний» [1, т. 2, с. 25] (медный век предшествовал бронзовому, завершившемуся на рубеже II–I тыс. до н. э.), а слово *сельдь* – после этого процесса (интенсивные контакты славян с варягами приходятся на рубеж I–II тыс. н. э.). Соответственно суффиксальные производные, образованные до «сокращения основ в пользу окончаний», ведут себя принципиально иначе, чем суффиксальные производные, образованные после этого процесса. А следовательно, различное поведение мягких конечных согласных в глагольных основах может служить основанием для относительной хронологии корней и производных слов.

Это подтверждается древностью, если не сказать «архаичностью» слов с «ингерентной» мягкостью: *дядя, медь, зять, тесть, батя*.

Про *дождь* также говорится, как про «слово с проблематичной этимологией. <...> скорее всего, первонач. *zg*, т. е. *dьždь < **dьzg-* < **duzg-*, ср. лит. *duzgė'ti, duzgėnti* ‘шуметь’... При этом не исключена звукоподражат. природа слав. *dьždь» [5, вып. 5, с. 196]. Таким образом, и слово *дождь* отпадает: мягкость *ждь* из *zg* перед гласным переднего ряда («такой же (как при йотации. – А. К.) результат получился и вместо *sk, zg* перед гласным переднего ряда: *dьždь*; ср. лит. *duzgė'ti – глухо звучать*» [7, с. 187]).

Слова *дядя, тятя, батя* также не показательны, поскольку восходят к весьма архаичным так называемым «детским» словам (Lallwörter), исходно звукоподражательным и близким к междометиям.

Слова *весь* и *авось* относятся к подсистеме дискурсивных (и одновременно архаичных) слов.

Таким образом, материала для иллюстрирования мягких шумных фонем (или морфем) фактически не остается. А значит – не остается оснований для выделения особых мягких фонем – ведь фонемы должны встречаться в одних и тех же позициях и выполнять смысловозначительную функцию.

Фактически (независимо от намерения) И. Б. Иткин своим анализом материала показал, что корреляции неслоговых фонем по твердости-мягкости в русском языке не существует, а их чередование в морфемах является позиционно обусловленным. Иллюзия «ингерентной» мягкости объясняется тем, что за фонемы (морфемы) принимаются дизные бифоны – фоны, представляющие две фонемы: у мягких сонантов – сочетание с йотом /й/, а у шумных согласных – с нулем-смягчающим {’О}.

Заключительное высказывание И. Б. Иткина по поводу твердости-мягкости, как и весь подход к анализу чередований *С ~ С’*, вызывает возражения: «Поскольку трактовка мягкости конечной согласной как исходной является в общем случае и более простой и более естественной (не требует введения дополнительного чередования), все такие корни, имеющие в исходе зубные или сонорные (например, *лядь, ферзь, бязь, карась, ось, корысть, путь, тля, октябрь, брань, сени, вепрь*), считаются принадлежащими к типу I...» [3, с. 114].

Тут непонятно сразу несколько вещей. Во-первых, почему трактовка конечной мягкости является более естественной.

В оппозиции *С : С’* маркированными являются как раз мягкие согласные: «из двух членов привативной оппозиции немаркированный член в связной речи встречается чаще, чем маркированный. <...> В русском языке, где противоположение твердых и мягких согласных имеет место в отношении двенадцати пар, сформулированное выше правило справедливо лишь для одиннадцати пар, твердые... фактически встречаются чаще, нежели соответствующие им мягкие... (в отношении примерно 2:1). Но в отношении пары *l:l’* это правило недействительно; палатализованное *l’* в русском языке встречается чаще, чем непалатализованное (*l:l’ = 42:58*)» [8, с. 278].

К сожалению, Н. С. Трубецкой не указывает, откуда взяты, как и на каком материале получены приводимые им данные о частотности русских фонем. Он только указывает, что «наиболее пригодными в этом отношении являются записи различных разговоров или газеты, где представлены самые разные стили» [8, с. 276]. При этом он ссылается на исследование А. М. Пешковского [9], сетуя, что в нем «речь идет о статистике звуков, а не фонем» [8].

То, что статистические данные получены Н. С. Трубецким самостоятельно, видно из соотношения частотности *Л:Л’* (у А. М. Пешковского это соотношение не составляет исключения: *Л : Л’ = 54 : 46 %*). Из 4 доступных нам подсчетов¹⁰ 2 (включая данные А. М. Пешковского) нормальные и 2 аномальные (в них частота *Л’* несколько выше частоты *Л*). Усредненные данные по 4 экспериментам представлены на рисунке.

Как видим, в общем случае отношение *Л : Л’* (пусть и не без колебаний) укладывается в норму: твердый *Л* встречается чуть чаще, чем мягкий.

Что касается отношения частот всех твердых ко всем мягким, то если у Н. С. Трубецкого оно «при-

¹⁰ Три из них представлены в [10, с. 506–507], одна – в [11, с. 227–228]. Данные, приписываемые А. М. Пешковскому в книге Л. Р. Зиндера, отличаются от данных [12, с. 470–471] и уточнены по последней.

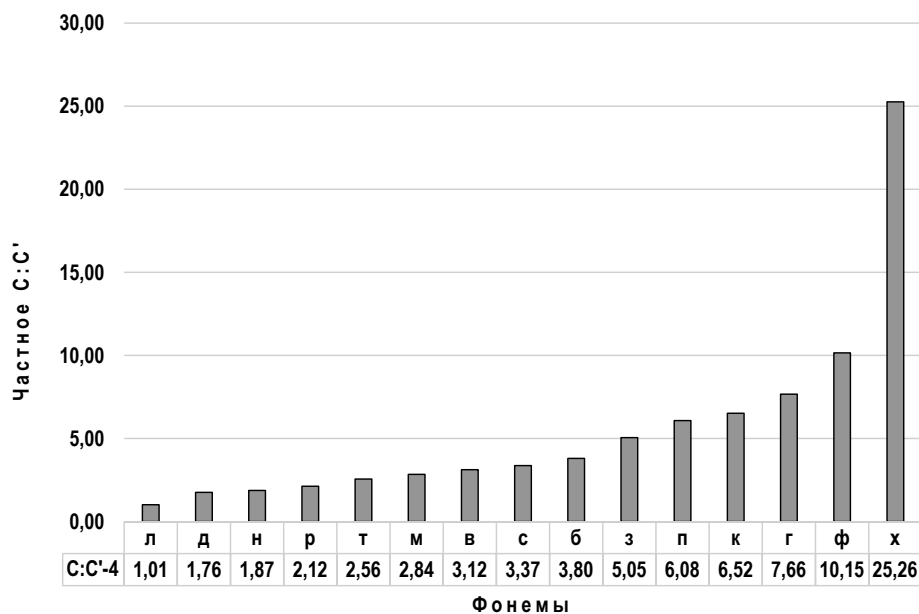

Рисунок. Отношение твердых согласных к мягким по усредненным данным 4 экспериментов

мерно» 2 : 1¹¹, то у А. М. Пешковского 2,25 : 1 [12, с. 473], у Л. Р. Зиндера (с соавторами) – 2,03 : 1 [10, с. 513], по данным четырех экспериментов – 2,63 : 1 (учитывались частоты только парных по твердости-мягкости фонем).

Важно то, что по всем данным мягкие согласные являются рецессивным (маркированным), а не доминантным (беспризнаковым) членом оппозиции С : С'.

А следовательно, принятие маркированного и рецессивного члена оппозиции за исходный никак не может считаться «естественным».

Естественно – наоборот: считать исходной твердость согласных.

Вне корреляции по твердости-мягкости есть как мягкие (Й, Щ, Ч), так и твердые, точнее – отвердевшие (Ж, Ш, Ц) неслоговые фонемы. Направление процесса С' > С можно трактовать как направление от аномалии к норме. Во многих славянских языках корреляция по твердости-мягкости отсутствует вообще. А языки, имеющие эту корреляцию, довольно редки.

Каким образом «трактовка конечной мягкости согласных как исходной» может быть «более простой», также не понятно: ведь она предполагает удвоение консонантизма, т. е. усложнение системы. Проще признать твердость согласных нормальным состоянием, а их мягкость – позиционно обусловленным, т. е. несобственным признаком конкрет-

¹¹ Напомним, что корреляцию по твердости-мягкости Н. С. Трубецкой признавал у 12 пар: сонорных – Р-Л, М-Н, взрывных – П-Б, Т-Д, и щелевых – В-Ф, С-З. Мягкие заднеязычные он фонемами не считал, шипящие Ш-Щ в эту корреляцию не включал, с чем и связаны некоторые расхождения в пропорции.

ного аллофона, в котором реализуется фонема в данной позиции. Именно отрицание корреляции фонем по твердости-мягкости ведет к упрощению системы.

Наконец, опять же не ясно, почему «трактовка мягкости конечной согласной как исходной» «не требует введения дополнительного чередования». Как раз требует: возникает чередование единиц высшей степени обобщения – морфем (!) по твердости-мягкости.

Во всех исконных словах мягкость согласных и неслоговых вариантов сонантов может и должна трактоваться как позиционно обусловленная, а следовательно – не собственная, не смысловозначительная. Соответственно, шумные мягкие согласные в абсолютном конце исконно русского слова являются не фонемами и не фонемами, а *бифонемами*, представляющими две фонемы: неслоговую и «ноль-смягчающий»: {Б} «е-беглое» или {И} «и-беглое» (см. выше).

Если в *зять* (тип I) и *коготь* (тип II) – мягкость /т'/ объясняется нами одинаково: {Т + I}, то почему *зятёк*, но *коготок*?

Ответ простой: морфологическая основа и словообразовательная основа не совпадают. Классический пример этого – инфинитив глагола. В морфологии =ТЬ – суффикс, сочетающийся с нулевой парадигмой (что и делает инфинитив неизменяемой формой глагола), а в словообразовании – окончание: финаль ТЬ всегда усекается при образовании суффиксального производного.

Таким образом, *зять* {зЕнт=i_ь} > *зятёк* {зент=i=Ък_ь}, но *коготь* {кОГьт_иь} > *коготок* {когьт=Ък_ь}¹².

«Перераспределение основ в пользу окончаний», описанное Бодуэном де Куртене в морфологии существительных, отличается от «перераспределения основ в пользу суффиксов», о котором он не писал. Многие исконные слова были образованы до этого перераспределения и сохранили архаичные формы. Другие образовались после. Отсюда и очевидная непоследовательность в поведении конечных мягких финалей корневых морфем.

Таким образом, ни морфем, ни фонем {б' п' в' ф' м' д' т' з' с' л' н' р' } в исконных русских словах нет. Морфем {г' к' х' } И. Б. Иткин и не выделяет.

Расхождение в трактовке шипящих и аффрикат

В исконных русских словах шипящие и аффрикаты встречаются в двух позициях: на суффиксальном стыке или в начале корня.

На суффиксальном стыке доказать не-морфологичность и не-фонематичность шипящих и аффрикат проще: они регулярно появляются **перед гласными переднего ряда**, включая {Б} «е-беглое».

Например, *нога* – *ножек* (*ножка*), *рука* – *ручек* (*ручка*), *уха* – *ушек* (*ушко*).

В данных случаях звуки /ж ч ш/ выступают как аллофоны фонем {Г К Х}. Аналогично – *друг* / *дружен-дружить*, *рука* / *рученька-вручить*, *пух* – *пушистый*, *распушить*.

Звук /ш:'/, передаваемый на письме буквой Щ, и морфонема {Щ}, выделяемая И. Б. Иткиным, никогда не бывает фоном, а значит – и аллофоном.

/Щ/ представляет либо 2 фонемы, выступая в качестве бифона¹³ Щ^{ск}: *воск* – *вощить*, либо в качестве трифона Щ^{стн}: *простить* – *процать*.

Звуки /ж ч ш/ также могут выступать в качестве бифонов, трифонов и даже квадрофонов: например, квадрофон Ч^{дск} в слове *чан* < др.-русс. *тицань* < *дъщань* (см. *доска*) {дъск=йАн_ь} [4, т. IV, с. 314; 13, т. 2, с. 374]¹⁴.

¹² Нельзя игнорировать и двойственность этой основы в славянских языках: чеш. диал. *kohát* 'коготь', в.-луж. *kocht* 'ость, костёр, сорняк', н.-луж. *kogot* 'костерь (у хлебов)', и русских народных говорах: *коготы* мн. 'приспособление для подъема в гору' (новг.). «Дублетное *kogьtь / *kogьtь*, очевидно, продолжает более древнюю основу на согласный **kogūt-*» [5, вып. 10, с. 109–110]. Ср. аналогичную пару *тётя*, но *тётка*, *тётушка* – из более древней формы *teta [6, с. 86].

¹³ В слове *общий*, иллюстрирующем у И. Б. Иткина морфемому {ш}, /ш:'/, тоже бифон, но из южнославянской подсистемы – Щ^{стн}: *общий* < **obyjtj(jь)* «Прилагательное с суф. *-tjo* от предлога /приставки *oby-*, первонач. 'со всех сторон, круглый'» [5, вып. 31, с. 167].

¹⁴ Исчерпывающее описание полифонов и гиперфоном, относящихся к периферии фонемной системы русского языка, представляет отдельную задачу, здесь не решаемую.

Аффриката /ц/ на суффиксальном (и даже флективном) стыке может выступать как аллофон фонемы {К}: *лик_ь* – *лиц_о* – *лич=ик_о*; *стар=ик_ь* – *стар=иц_а*, *умн=ик_ь* – *умн=иц_а*. Первоначально чередование /к||ц/ было фонетическим: перед /ь/ и /ы/ третья палатализация не происходила, но затем это чередование было «морфологизировано»: /к-к'/ стало передавать значение маскулинности, а /ц/ – значение феминности. При этом собственная – компрессивная – функция суффикса {=ик} осталась неизменной.

Аллофоном фонемы {К} является /ц/ и в словах *малёк-малец*, *ларёк-ларец*, *волчок-волчец* и др.

Доказательство аллофоничности или полифоничности шипящих в начале корня связано не столько с теоретическими, сколько с психологическими трудностями: необходимо преодоление давления традиции, а для этого – обсуждение освященных ею теоретических представлений.

И. А. Бодуэн де Куртене писал, что чередования могут иметь чисто фонетические причины (сегментные или акцентные), затем они могут претерпевать *морфологизацию* (использоваться для маркирования грамматических значений) и *семасиологизацию* (использоваться для различения лексических значений) [1, т. II, с. 373, 375].

Традиционно в фонологии принято очень трепетно относиться к причинам фонетическим, а морфологические и семасиологические выносить вон – в морфонологию, морфологию, а то и в этимологию.

Между тем вся индоевропеистика XIX в. строилась на исследовании чередований в корнях – самых древних морфемах, из которых состоит слово. Именно поэтому фонетике предшествовала лексика, задача которой была чисто прикладная: выделить корни и дать сравнительно-историческому языковедению материал для исследования фонетики, а именно для исследования чередования в корнях. Это представление живет и сейчас в логике учебных программ для студентов-филологов: знакомство с языком начинается с лексики, затем следуют фонетика, морфология и синтаксис.

В 1960-е гг. учение об уровнях языка и их иерархии сильно поколебало эту логику: все же речь состоит из синтаксических единиц, синтаксические единицы (фразы, обобщаемые в предложения) – из лексических (словоформ, обобщаемых в лексемы), лексические – из морфемных (морфов, обобщаемых в морфемы), а морфы – из фонетических (фоном, обобщаемых в фонемы). Но традиция устояла: изучение языка по-прежнему строится не по законам педагогики и методики: от простого (фонетики) к сложному (синтаксису), а по логике индоевропеистики XIX в.: от лексики (сложного) к фонетике (простому).

Первичным и основным способом передачи лексических значений являются корневые морфемы. Это

одновременно и самые древнейшие морфемы слова, поэтому лингвисты XIX в. анализировали именно их. Традиционно чередование звуков в корне (особенно – в инициали) принято считать результатом семасиологизации-лексикализации и на этом основании считать аллофоны представителями разных фонем. При этом принципиальное различие между омонимией и полисемией размывается и (с легкой руки Ш. Балли, поддержанного В. В. Виноградовым) говорится об *омонимии, возникающей в результате «распада» полисемии*. Омонимия – случайность, казус, аномалия, а полисемия – закономерность, норма, определяемая устройством лексико-семантической системы. Говорить, что закономерность приводит к случайности, а норма – к аномалии как-то странно, а вот говорить, что полисемия приводит к омонимии – почему-то считается нормальным. Единственное известное нам аргументированное возражение против этого абсурда принадлежит В. И. Абаеву [14].

Полностью разделяя позицию В. И. Абаева, считаем необходимым и на низшем – фонетическом – уровне языка учитывать интересы лексики.

Во-первых, это делает сам язык: когда интересы фонетики приходят в противоречие с интересами лексики, побеждают и соблюдаются интересы лексики. Например, *вязать* в прошедшем времени имеет формы: *вяжу, вяжет, вяжут*, соответственно глагол *ткать* должен бы иметь формы: **тчү, *тчёт, *тчүт*. Но это бы приводило к нежелательной омонимии: **тчү = чү!*, **тчёт = чёт / щёт (счет)*. Во избежание этого осуществляется морфологическое выравнивание по формам прошедшего времени: *ткал, ткала, ткали > тку, ткёт, ткут*. Соответственно и формы повелительного наклонения не **чи-чите!/*щи-щите!*, а *тки-тките!*

Во-вторых, любой язык (особенно хорошо это видно в строении языков программирования) состоит из словаря (знаков) и синтаксиса (правил их сочетания). Еще и поэтому интересы словаря (лексики и соответственно – семантики) должны преобладать над интересами технического (обслуживающего) уровня – фонетического.

Фонемология – это учение не о звуках в себе и для себя, а о звуках как различителях знаков – носителей самой важной для людей – лексической (внятной) информации.

Именно поэтому лексикализованные чередования так же не перестают быть аллофонами, как «распавшаяся» омонимия не перестает быть полисемией.

Все очень просто: традиционные представления основаны на атомистическом мышлении XIX в., поддержанном позитивизмом и ставящим во главу угла элемент, тогда как системная лингвистика ставит во главу угла систему (не элемент, а

целое), которая значительно устойчивее своих отдельных элементов и дает меньше простора произволу исследователя, повышая конкретность его мышления требованием максимального учета всех непосредственных и опосредованных связей каждого отдельного элемента.

Для того чтобы хоть как-то легализовать системный взгляд на корневые морфемы в рамках традиционных представлений, Татьяна Григорьевна Аркадьева предложила термин *этимонимы* для так называемых «деэтимологизированных» слов и «омонимов», возникших в результате «распада» полисемии [15].

В условиях торжества атомистических и позитивистских предрассудков возникает необходимость отстаивать даже такое очевидное и теоретически вроде бы не оспариваемое положение, как историзм в анализе объекта: каждый элемент системы должен браться и анализироваться таким, каким он был на момент возникновения, и в той системе, которая его породила. Только после этого и с учетом этого можно переходить к его новому статусу и новым свойствам в позднейшей или даже позднейших системах. Таково одно из базовых требований системной лингвистики [16].

Именно требование историзма заставляет нас считать *куд* = в *кудёсник* {коуд=Ес=ьн=ик_ь} и *чуд* = в *чудёсный* {кеуд=Ес=ьн_ый} алломорфами корня {КЕУД=}, а {Е} – гиперфонемой О/Е, не нарушающей тождества морфемы, и, соответственно, /к/ и /ч/ – аллофонами фонемы {К}. Ведь если первая палатализация происходит на суффиксальном стыке, то в еще более древней позиции – внутри корня – она и подавно происходит. Сходно интерпретируется и общеизвестный пример *наЧАло* {на-кьН=Ø=дл_о} – *наЧНёт* {на-кьн=Ø=Е_ть} – *наЧИНать* {на-кьн=Ø=А=гi_#} и *КОНёц* {кон=Ø=ьк_ь}.

Аналогично *гой* = в слове *изгой* является алломорфом *жи* = в слове *жить* < {гей=Ø=гi_#}. А *шёл* {хьд=Ø=л_ь} / *шла* {хьд=Ø=л_А} является алломорфом корня *ход* = в *ходил*. Вряд ли мы вправе считать сегмент *хаж* = в *хаживал* {хОд=и=ыва=л_ь} аллофоном двух предыдущих, потому что он содержит в своем составе бифон Ж^н, представляющий одновременно {Д} корня и {И} суффикса: {хОд=и=ыва=л_ь} > {хОд=й=ыва=л_ь} > /хАжывъл/. При этом реализация {ДИ} как /ж/ позиционно обусловлена: она происходит на суффиксальном стыке по законам: 1) недопустимости зияния, 2) восходящей звучности слога и 3) слогового сингармонизма.

Разберем примеры, иллюстрирующие у И. Б. Иткина шипящие и аффрикаты в инициали корня.

{Ж} в слове *жук* относится к звукоподражательной подсистеме русского языка, которая не подчиняется фонетическим законам, действующим в «нормальных» словах – апеллятивах: «образовано от

звукоподражательной основы, представленной в *жуужжать*» [4, т. 2, с. 64]. В таком случае в обоих словах следует выделить типично звукоподражательный сегмент /жу/ и два суффикса, являющиеся классификаторами (маркерами) звукоподражаний: =к {жУ=к_ь} (ср. *бекать, мекать, хмыкать, хныкать, хихикать, улюлюкать, гавкать, хрюкать, мяукать* и т. п.) и =зг {жу=зг=Ъ=гi_#} (ср. *визжать, брюзжать, дребезжать* и проч.).

О звукоподражательной природе корня [ЖУ] свидетельствует варьирование всех его частей: ср. *жу-к-, гу-к-, зу-к-, зю-к-, зы-к-, ги-к-, га-к-, го-к-* [17, вып. 6, 7, с. 12].

Морфемному {Ш} И. Б. Иткин иллюстрирует словом *шар*. Наиболее правдоподобной представляется этимология П. Я. Черных: «рус. *шар*... восходит к и.-е. *(s)kēg- “вертеться”, “сгибаться”, “гнутья” (Pokorny, I, 935)» [13, т. 2, с. 402]. Видимо, из этого значения П. Я. Черных и выводил округлую форму шара. Тут следует упомянуть о наблюдении, сделанном О. Н. Трубачевым: 1) существует устойчивая связь между значениями основ *del-, *derbh-, *ker-, *plek-, *teks-, *uedh-, *ui- типа I ‘резать, рубить, рвать, драть, тесать, разделять (надвое, пополам)’ и типа II ‘крутить, скручивать, гнуть, вить’; 2) эта связь свидетельствует о родстве значений и происхождении их из одного общего в позиции (ситуации) семантической нейтрализации: «одинаково возможно образование от любого члена соответствующей пары, т. е. речь идет о нейтрализации и противопоставлений между основами I и II» [18, т. 3, с. 628–631].

В связи с этим более правдоподобным представляется выведение значения ‘шар’ из значения ‘резать, тесать, обрубать’, которое прямо указывает на способ создания шара: *шар* – это куб, ‘многократно обрезанный (обтесанный, обколотый, обрубленный) со всех сторон’.

Происхождение Ш в слове *шар* П. Я. Черных объяснил следующим образом: «На слав. почве имела место перестановка начальных sk > ks, откуда далее kch > ch и изменение chē > ša (*chēr- > *šar)» [13, т. 2, с. 402].

Таким образом, {Ш} в слове *шар* является аллофоном происходящей из аффрикаты КС фонемы {X} в позиции перед гласным переднего ряда Ъ < *Ē. После отвердения /ш/ последующий /ъ/ также утратил мягкость (дизезность), но остался гласным нижнего подъема, т. е. /a/.

Морфемному {Ч} И. Б. Иткин иллюстрирует не самым удачным примером – *меч*: «как слово *тець, *тьць, так и гот. *mēki ведут начало из одного... источника с велярным k» [5, вып. 18, с. 40], при этом следует обратить внимание на ключевую роль старой польской формы *miekut ‘меч’, содержащей этот k. Источником славянских и германских слов является

кельт. *тесс-* ‘сверкать, блестеть’, «что подтверждается многообразием кельт. культурных влияний в латенскую эпоху накануне н. э.» [5, вып. 18, с. 42]. Таким образом, даже в кельтском заимствовании *меч*, имеет место /ч/ как аллофон фонемы {K} в позиции перед гласным переднего ряда.

Намного выразительнее другая пара примеров: *чадить* ‘Выделять едкий, удушливый дым’ – *кадить* ‘Обдавать ароматным дымом, выделяемым ладаном (при богослужении)’: «гл. *čaditi и имя *čadъ» связаны «с *kaditi отношением долгих ě и ō» [5, вып. 9, с. 110]. При этом *кадить* – типичное культурное слово, заимствованное из церковнославянского языка вместе с православным культом (производящее имя *kadъ ‘чад, дым’ представлено только в южнославянских и примыкающих к ним западнославянских языках [Там же, с. 111]). Ср. выше пару *кудесник* – *чудесный*.

Для иллюстрации морфемы {Щ} И. Б. Иткин выбрал слово *обиций* (см. выше), в котором /ш/ является бифоном Щ^н. Бифон Щ^к представлен в словах *цадить* {скенд=И=гi_#} («Праслав. *ščediti из *skęd-, которое связано чередованием гласных со *skęd- (см. *скудный*), ст.-слав. *скждь, скждьнь*» [4, т. 4, с. 496]; *щипать* {скип=A=гi_#} – *щепоть* {скъп=От=i_ь}, *ущерб* {у-скърб_ь} (ср. *скорбь* {скърб=i_ь}).

Морфемному {Ц} у И. Б. Иткина иллюстрируется словом *месяц* в фонематическом представлении {мЕс=енк_ь}. Ср. тот же суффикс в слове *заяц* {зАй=енк_ь}. По закону восходящей звучности {ЕН} дает /ε/, после которого /к/ по третьей (Бодуэновской) палатализации реализуется в виде своего аллофона /ц/; /ц/ в именительном падеже перед /ъ/ – следствие морфологического выравнивания основы. В словах *месячный* и *заячий* /ч/ чередуется не с /ц/, а с {K}. Ч е р е д о в а н и я Ц:Ч не с у щ е с т в у е т; есть два чередования: К:Ч (по первой палатализации) и К:Ц (по второй или третьей палатализации). Ср. триаду *лиЦо – лиК – лиЧико*.

Более показательными примерами аллофонической природы /ц/ являются слова *цель*, *ц.-сл. цѣль* {кОйл_ь} (ср. *кѣле* ‘цели’ в новгородских грамотах [19, с. 37]) и *цеп* {кОйп_ь} (в новгородских и псковских говорах – *кеп* ‘цеп’ [17, вып. 13, с. 182]).

Весьма выразительна пара *цена* {койн_А} (ср. *ц.-сл. цѣна*, лит. *kainá*) – *чин* {кЕйн_ь}: «Отношения *čip̃ : *cēna <...> можно толковать как очень древнюю словопроизводную связь с четкой семантикой ‘деяние’: ‘(плата за) содеянное’» [5, вып. 3, с. 182]. Ср. *чинить-учинить* : *цена, оценка*. Этот корень сохранил и начальный /к/: *каяться*: «продление вокализма состоялось, по-видимому, на слав. почве, тем не менее ближайшим соответствием, в том числе и в плане морально-этической, религиозной семантики, оказывается авест. *кау-* ‘каяться’» [Там же, вып. 9,

с. 116]. Как видим, и в начале слова /ц/ является одним из аллофонов фонемы {К}.

Расхождение в трактовке казусов и аномалий

{к} пускать – пустить и т. п.

В таблице приведены примеры, в которых И. Б. Иткин видит особую морфему {к₁}: «все такие корни оканчиваются на -к, которое переходит в *m* вместо ожидаемого *ч* в позиции палатализации» [3, с. 103].

Т а б л и ц а

«Чередования» к:т по И. Б. Иткину

№	Пары слов	Корень-1	Корень-2
1	блеск – блестеть	блеск/блест/ блист/блеск/ блест-	
2	пускать – пустить	пуск/пуст-	
3	ласкаться – ластиться	ласк/ласт/ласц-	
4	паук – паутина	паук/паут/пауч-	
5	мелькать – мельтешить	мельк/мельт-	
6	смекать – сметка	мек/мек-	мет/мет/ мес/ме-
7	искать – истец	иск-	ист ¹⁵ -
8	черкать – чертить	черк/черк-	черт/черт/ черч-
9	жолкнуть – желтый	желт/желч/желт/ желч-	жолк
10	Доска – *досточка	доск/дошч-	

Начнем с того, что «Словарь морфем русского языка» [20] не подтверждает однокоренной характер пар 6–10. Перед нами разные корни, следовательно, говорить о чередовании к||т в корне нет оснований. Это не фонема и не морфонема.

Слово *доска*, по мнению этимологов, является заимствованием из греческого через латинское и германское посредство. От него закономерно образован диминутив *дошечка*, в котором Щ мог быть народно-этимологически осмыслен как Щ^{стн}, что и позволило образовать такое, по справедливому замечанию И. Б. Иткина, «индивидуальное отклонение, примыкающее к данному чередованию, но не относящееся к его сфере» [3, с. 104], как *досточка*. Показательно, что ни «Словарь русского языка в 4 томах» под редакцией А. П. Евгеньевой (2-е изд.), ни «Большой академический словарь» эту форму не содержат, а это значит, что она не принадлежит русскому литературному языку.

Пара *жолкнуть* ‘желтеть’: *желтый*, на первый взгляд, не может вызывать никакого сомнения в тождестве корня, а отказ А. И. Кузнецовой это увидеть кажется необъяснимой случайной ошибкой, от

каких никто не застрахован. Однако не все тут так просто.

Вначале обратим внимание на отсылку от слова *жёлкнуть* (так в словаре М. Фасмера) к словам *желчь*, *жёлтый* [4, т. 2, с. 43] и замечание М. Фасмера в статье слова *жёлтый*: «С рефлексом др. заднебного сюда же относится группа слов *золото*, *зелёный*» [там же, т. 2, с. 44]. А от слова *зелёный* даны отсылки к словам *зелье*, *золото*, *зола*. Это значит, что и.-е. имел начальный гуттуральный *ǵ, который в языках группы satəm закономерно отражался звонким сибилантом, у славян – *z. Следовательно, нормальная славянская форма этого корня представлена в корнях *zolt-, *zelyn-, а начальный *g-, реализуемый аллофоном /ж-/ (по первой палатализации) в словах *жёлтый*, *жолкнуть* представляют собой кентумный, а следовательно, заимствованный, позднейший, вторичный вариант корня. Явление сатэм-кентумной дублетности представлено как в славянских, так и в балтийских языках. (Например, кентумный вариант *город* и сатэмный – *зарод* «Обл. Стог сена, соломы, снопов (обычно большого размера и продолговатой формы)» [21, т. 6, с. 467]).

В связи с этим весьма показательно следующее свидетельство: «Ст.-сл. *зльчь*, др.-русс. *зльчь* древнее, чем форма на *ж-* [в украинском, белорусском болгарском, сербохорватском, словенском, чешском, польском и лужицких], поэтому все эти слова связаны с *зелёный* и лишь вторично испытали влияние слова *жёлтый*... Праслав. *zylčь получило *č* из *-k-*, которое встречается также в ст.-сл. *злак* из *zolkь. <...> Поздно засвидетельствованное *жёлкнуть* еще не является достаточным доказательством древности этого слова» [4, т. 2, с. 45].

Таким образом, имеются два разных праславянских корня с сатэмным и кентумным вариантами: *zolt- (*золото*) и zolk- (*злак*); *gьlt- (*жёлтый*) и *gьlk- (*желчь*) / *zьlk- (сл.-сл. *зльчь*) / *zьlk- (др.-русс. *зльчь*). В силу своей древности *k и *t могут быть только и.-е. расширителями корня. Следовательно, основной видеть в паре *ЖОЛКнуть* – *ЖЁЛТый* современное чередование к:т не больше, чем видеть его в паре *МЕРКнуть* – *МЁРТвый*. Тем более что никакой позиции палатализации тут нет.

Рассмотрим пару *ЧЕРКать* – *ЧЕРТить*. Слово *черкать*, которое «первоначально вариантно к *čьrkati, *čьrxati [< *čьrsati], ср. и соответствующие значения этих слов» [5, вып. 4, с. 148, 147, 159, 163]. Например, чеш. стар. *čьrchati* ‘проводить черты, линии, чертить’, укр. *черсати* ‘чесать; тереть, провести чем-либо по чем’, русск. диал. псков. *черснуть* ‘сильно ударить кого’ – «все они являются продолжениями и.-е. *kers- ‘резать, которое в свою очередь, как и *kert- (слав. *čьrsti, ... čьrtati), восходят как расширение к и.-е. *(s)ker-» [22, с. 8].

¹⁵ «Производное (имя деятеля) с суф. -ьсь от прилаг. *jьstь» [5, вып. 8, с. 217] (ср. *истый*, *истина*). Сближение *истец* с *искать* – типичный пример народной этимологии.

Семантическая близость слов *ЧЕРКаТЬ*, *ЧЕРТить*, *ЧЕРСаТЬ* объясняется их происхождением от общего и.-е. корня, а различие *чер-к-*, *черт-*, *чер-с-* объясняется их оформлением разными и.-е. расширителями корня (детерминативами), а не чередованием (тем более не особой морфемой {K_r}) в современном русском языке.

Обратимся к тем словам, в которых действительно имеет место чередование /к/:/м'/.

Начнем с пары *блеск-* : *блест-*. «Праслав. *bliskati продолжает и.-е. **bhlei-sk-*..., где *-sk-* – и.-е. глагольный форматив. <...> Зная историю *-sk-* в *bliskati, мы должны рассматривать мену *-sk-* : *-st-* ... как слав. явление» [5, вып. 2, с. 117]. Добавим от себя, что в современном русском языке этот «и.-е. глагольный форматив» в формах =ск/=зл/=ст указывает на интенсивность/экспрессивность действия, выполняя также функцию классификатора звукоподражаний: *плескаться*, *полоскаться*, *прыскаться*, *брызгаться*, *хляскаться*, *хрюкаться*, *чуфыкаться*, *ляскаться*, *лязгаться*, *лускаться*, *лузгаться*, *плющить*, *рыскаться*, *пицаться*, *таскаться*, *тискаться*, *поркаться*, *топорщиться*, *трещать*, *верещаться*, *визжаться*, *брюзжаться*, *свистеть*, *хвастаться*, *хлестаться*, *хрустеть*, *шелестеть*, *ристание*, *хворост*, *хлобыстаться*, *хлыстаться*, *хлюстаться*, *хлякаться*, *хлястаться*, *хрустаться*, *хрястаться*, *шастаться*, *шурстеть* и др.

Для пар 2–5 просматривается распределение, хорошо известное диалектологам¹⁶: в средневеликорусских говорах в позиции перед гласным переднего ряда [К] реализуется как /т'/: *какие чулки* – как *ка[т'у]* / *е чул[т'у]*, *руки* – как *ру[т'у]*, *муки* – как *му[т'у]* и т. д. [23, с. 74–75].

Ср. также у Р. И. Аванесова: «В ряде говоров вместо к', г' произносятся звуки т', д': *рука* – *рут'у* – *рут'е*, *мука* – *мут'у* – *мут'е*, *река* – *рет'у* – *рет'е*, ..., *т'инуо*, *т'исел'*, *т'ислож*, *т'ир'н'ич'*, *т'ино* (кино). <...> В результате описанного процесса появилось т' в *Овдом'ја* (ср. книжное *Евдокия*)» [24, с. 161]. В этом смысле можно согласиться с предположением И. Б. Иткина: «Как видно, чередование *к ~ т* тесно связано с более распространенным чередованием *к ~ ч* и как бы составляет его «альтернативу» [3, с. 104]. Добавим от себя – **диалектную** альтернативу.

В *блеск* – *блестеть*, но *блистать*, *блётки* (ср. у А. С. Пушкина в «Евгении Онегине»: «*Скажу без блёсток мадригальных*») этого распределения не просматривается. Стоит ли ради одного корня заво-

дить отдельную морфему или фонему? Практика показывает, что не стоит: сравним *боком* – *бок*, *другом* – *дружк/*, но *Бо/г/ом* – *Бо/х/*. Ни одна отечественная школа не заводит особой фонемы {γ} даже ради такого корня как *Бог-*.

Трудно согласиться со следующим утверждением И. Б. Иткина: «Поскольку никакого распределения между корнями типа *пущ-* и всемо прочими корнями с исходом на *-к* установить не удастся, следует признать, что корни этого типа имеют в ауслауте особую морфему – {к_r}» [3, с. 104].

Логичнее было бы признать, что корни этого типа имеют в ауслауте **гиперфонему** [к/т] – с комментарием, что варианты этой гиперфонемы находятся не в отношении свободного варьирования (как, например, гиперфонемы [к/г] в паре *Калоши-Галоши*), а имеют диалектное распределение: /т'/ перед гласными переднего ряда и /к/ в остальных случаях.

{e₁'} лев-льва - чередующееся с А, нормально не чередующееся с 'о

Как можно понять из текста монографии И. Б. Иткина, морфемой {e₁'} он считает, с одной стороны, гласный в слове *лев*, который не чередуется под ударением с /'о/, как {Ѣ}, но чередуется с нулем звука, как {Ъ}; с другой стороны, этой же фонемой им считается и гласный в корне *сек-*, который под ударением реализуется то как /е/ – *дровосék*, что свойственно фонеме {Ѣ}, то как /'о/ – *сек*, что свойственно фонеме {Е}.

Что касается слова *лев*, то это заимствование. По М. Фасмеру его генеалогия выглядит так: семитские языки > греч. λέων > лат. *leō* > д.-в.-н. *lewo*. Кроме того, М. Фасмер указывает на «моск[овское]. произношение *Лев*» в имени собственном. Хотя сейчас оно практически вышло из употребления, но диминутивы *Лёва*, *Лёвушка* по-прежнему в ходу. В истории этого слова есть загадка: уже в старославянском языке представлена форма **ЛВЬ**, а между тем подходящей германской формы, из которой могла бы получиться старославянская, не найдено (видимо, поэтому славянская форма выводится из реконструируемой прагерманской, а та – напрямую из и.-е. праформы, трактуемой как «древнейший миграционный ближневосточный термин» [5, вып. 17, с. 106–107]). Из греческой формы в старославянском должно было бы получиться не **ЛВЬ**, а **ЛѢВЬ** (если допустить, что /в/ – эпентеза, устраняющая зияние внутри славянского слова, конечный *v* утрачен по закону восходящей звучности, а долгота *ω* в заударном слоге уменьшилась до /ь/) [4, т. 2, с. 471–472]. Впрочем, как свидетельствует «Старославянский словарь», из 26 случаев употребления аппелятива **ЛВЬ** в старославянских текстах отмечено 9 случаев написания с лѣ- (5 – в «Синайской псалтыри» и 4 – в «Супрасльской рукописи»);

¹⁶ Включить в это множество пару *смять-сметка*, кроме показаний [20], не позволяет отсутствие распределения: /т/ встречается не только перед гласными переднего ряда. Этимологи полагают, что морф *мек-* вторичен и образован от *метить* по аналогии с парой *пущать-пустить* [5, вып. 18, с. 74].

из двух написаний онима **ЛѢВЪ** – одно также с **лс-** (в «Саввиной книге») [25, с. 312], что говорит о прямом влиянии греческого языка.

Противоречиво и отражение ст.-сл. **лѣвъ** в русском языке: с одной стороны, в старославянском (и церковнославянском) отсутствует трансформация ударного /e/ в /'o/: ц.-сл. *нѣбо* при русск. *нѣбо.*, из чего следует, что мы произносим *лев*, а не *лѣв не потому, что под ударением фонема {Ѣ}, а потому что слово принадлежит к южнославянской подсистеме фонем. С другой стороны, в южнославянской подсистеме отсутствуют беглые фонемы: {Б} реализуется как {Е}, а {Ѣ} – как {О}: ср. русск. *сбор* и ц.-сл. *собор*, из чего следует, что причина беглости гласного в слове *лев* лежит за пределами южнославянской подсистемы фонем. Полагаем, что это – чисто морфологическая причина: потребность в маркировании конца основы беглостью гласного. Та же самая причина заставляет нас произносить *льда*, хотя в этом слове никогда не было редуцированного, о чем свидетельствует ст.-сл. *лѣдъ* и лит. *ledùs* 'лѣд'.

Что касается подсистемы имен собственных, то тут последовательна старомосковская норма: *Лев*, *Лѣва*, *Лѣвушка* и непоследовательна современная: *Лев* – как апеллятив, но *Лѣва*, *Лѣвушка* – как оним. Правда, граница между онимами и апеллятивами порой «гуляет». Ср. у В. В. Маяковского:

«К одним паспортам – улыбка у рта.
К другим – отношение плѣвое.
С почтеньем берут, например, паспорта
с двухспальным английским лѣвою»

(Стихи о советском паспорте).

Таким образом, ради слова *лев* нет необходимости выделять ни особую фонему, ни особую морфему: в нем представлена фонема {Б}, только апеллятив принадлежит южнославянской подсистеме фонем, а формы онима – поделены между южнославянской – полная форма *Лев* и русской – диминутивы *Лѣва*, *Лѣвка*, *Лѣвушка*, *Лѣвчик*. Беглость гласного в корне объясняется «диакритикой» – потребностью морфологии маркировать конец основы.

Рассмотрим теперь случаи, когда гласный в корне ведет себя, то как {Ѣ}, то как {Е}.

Реализацию особой морфемы И. Б. Иткин видит в формах *цвѣл* (*цвет*), *сѣк* (*отсек*), *пренебрѣг* (*беречь*), *влѣк* (ср. *волок*). При этом исследователь отмечает, что «переход происходит в глаголах, имеющих в прош. вр. а. п. /b, и отсутствует в глаголах а. п. а/» [3, с. 243]. Ср. *ел*, *сел*, *пел*, *грел*, *слеп*, *терпел*. Соглашаясь с тем, что принадлежность к а. п. /b является непременным условием реализации {Ѣ} как /'o/

в формах м. р. ед. ч. прошедшего времени, мы не склонны считать это причиной данного явления.

Причину надо искать в потребностях коммуникации. При сравнении *отсек* – *отсѣк* мы различаем имя и глагол. Сравним еще: *Дрова сѣк дровосек* и *Дровосек дрова сѣк* или *Оберег оберѣг* и *Оберѣг оберег*. В обоих случаях благодаря фонетически незаконному чередованию мы получаем возможность различать имя и глагол, деятеля и действие. Сравним противоположное распределение: *сѣл* (род. мн. существительного *село*) и *сел* (м. р., ед. ч. прош. вр. глагола *сесть*). Это проявление иерархии уровней языка: фонетика может делать только то, что ей позволяют морфология и лексика, и выполняет все, что от нее требуют морфология и лексика.

Таким образом, /'o/ на месте {Ѣ} появляется для маркирования процессуальности, глагольности формы, для противопоставления ее имени. Это чистая морфология – использование фонетических чередований для маркирования грамматических (морфологических и синтаксических) значений и функций. Ни особой морфемой, ни особой фонемой это явление не образуется.

Выводы

Подведем итоги. Из 23 выделяемых нами фонем 21 находит соответствие в морфемах, выделяемых И. Б. Иткиным. Расхождение касается лишь трактовок глайдов {И} и {У}.

Для описания и объяснения чередований в исконных русских корнях слов-аппеллятивов современного русского языка требуется обращение к раннему праславянскому состоянию, предшествовавшему началу действия законов восходящей звучности слога и слогового (группофонемного) сингармонизма. Принято считать, что это состояние имело место до 5 в. н. э. Такое состояние целесообразно называть *протославянским* (предславянским). Именно это состояние и должна отражать фонемная, она же этимологическая, транскрипция. Именно в этой транскрипции может быть корректно представлен как фонемный, так и морфемный состав русского слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бодуэн де Куртене И. А.* Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1–2. М. : Изд-во АН СССР, 1963. 384 и 392 с.
2. *Бернштейн С. И.* Основные понятия фонологии // Вопросы языкознания. 1962. № 5. С. 62–80.
3. *Иткин И. Б.* Русская морфонология. М. : Гнозис, 2007. 272 с.
4. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 4-е изд., стер. М. : Астрель ; АСТ, 2004.

5. ЭССЯ. Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд). Вып. 1—... М. : Наука, 1974—...
6. Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя / предисл. Г. А. Богатовой-Трубачевой. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : КомКнига, 2006. 240 с. (Лингвистическое наследие XX века).
7. Селищев А. М. Старославянский язык : учебник. 2-е изд. М. : Изд-во Моск. ун-та ; Наука, 2006. 496 с. (Классический университетский учебник).
8. Трубецкой Н. С. Основы фонологии / пер. с нем. А. А. Холодовича ; под ред. С. Д. Кацнельсона. М. : Аспект Пресс, 2000. 352 с. (Серия «Классический учебник»).
9. Пешковский А. М. Десять тысяч звуков. (Опыт звуковой характеристики русского языка как основы для эвфонических исследований) // Пешковский А. М. Сборник статей. Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика. Л. ; М. : Госиздат, 1925.
10. Зиндер Л. Р. Общая фонетика и избранные статьи : учеб. пособие для студ. филол. ф-тов высш. учеб. заведений / сост. и вступ. ст. Л. В. Бондарко. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Филол. ф-т СПбГУ ; М. : Академия, 2007. 576 с.
11. Андреев Н. Д. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языковедении. Л. : Наука, 1967. 404 с.
12. Пешковский А. М. Лингвистика. Поэтика. Стилистика : Избранные труды : учеб. пособие / сост. и науч. ред. О. В. Никитин. М. : Высшая школа, 2007. 8000 с. : ил. (Серия «Лингвистика XX в.»).
13. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : 13 560 слов : Т. 1—2. М. : Рус. яз., 1993.
14. Абаев В. И. О подаче омонимов в словаре // Вопросы языкознания. 1957. № 3. С. 31—43.
15. Аркадьева Т. Г. Этимонимы в лексической системе современного русского языка : учеб. пособие к спецкурсу / [науч. ред. Н. Е. Сулименко] ; Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. Ленинград : [б. и.], 1990. 74 с.
16. Мельников Г. П. Системная типология языков : синтез морфологической классификации языков со стадальной. М., 2000. 90 с.
17. Словарь русских народных говоров. Вып. 1—... М. ; Л. : Наука 1965—...
18. Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках // Труды по этимологии. Слово. История. Культура. Т. 3. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2008. С. 392—799. (Opera etymologica. Звук и смысл).
19. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М. : Школа «Языка русской культуры», 1995. 720 с.
20. Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф. Словарь морфем русского языка : ок. 50 000 слов. М. : Рус. яз., 1986. 1186 с.
21. Большой академический словарь русского языка. Т. 1—... М. ; СПб. : Наука, 2004—...
22. Варбот Ж. Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. I // Этимология. 1971. М. : Наука, 1973. С. 3—19.
23. Русская диалектология : учеб. пособие для студентов филологических факультетов университетов / под ред. Н. А. Мещерского. М. : Высш. школа, 1972. 304 с.
24. Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. Часть первая. М. : Учпедгиз РСФСР, 1949. 336 с.
25. Старославянский словарь (по рукописям X—XI веков) : ок. 10 000 слов / Э. Благова, Р. М. Цейтлин, С. Геродес и др. ; под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М. : Рус. яз., 1994. 842 с.

REFERENCES

1. Baudouin de Courtenay I. A. *Izbrannye raboty po obshchemu jazykoznaniju* [Selected works on the general linguistics]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1963.
2. Bernshtein S. I. *Osnovnye ponyatija fonologii* [Basic concepts of phonology]. In *Voprosy jazykoznanija*. 1962. No. 5. Pp. 62—80.
3. Itkin I. B. *Russkaja morphonologija* [Russian morphonology]. Moscow: Gnozis, 2007.
4. Vasmer M. *Etymological dictionary of the Russian language*. Moscow: Astrel', 2004.
5. *Etimologicheskij slovar' slavyanskikh jazykov* [Etymological dictionary of the Slavic languages]. Vol. 1—... Moscow: Nauka, 1974.
6. Trubachev O. N. *Istorija slavyanskikh terminov rodstva i nekotorykh drevnejshikh terminov obshchestvennogo stroja* [The history of Slavic terms of kinship and some most ancient terms of social order]. Moscow: KomKinga, 2006.
7. Selishchev A. M. *Staroslavjanskij jazyk* [The Old Slavonic Language]. Moscow: Moscow State University Press, 2009.
8. Trubetskij N. S. *Osnovy fonologii* [Foundations of phonology]. Moscow: Aspekt Press, 2000.
9. Peshkovskij A. M. *Desyat' tysyach zvukov. (Opyt zvukovoj kharakteristiki russkogo jazyka kak osnovy dlya evfonicheskikh issledovanij)*. [Ten thousand sounds. (An experience in the description of the sounds of the Russian language as the basis for euphonic studies)]. In A. M. Peshkovskij. *Sbornik statej. Metodika rodnogo jazyka, lingvistika, stilistika, poetika*. Leningrad: Gosizdat, 1925.
10. Zinder L. R. *Obshchaja fonetika i izbrannye statii* [General phonetics and selected papers]. Saint-Petersburg: Akademia, 2007.
11. Andreev N. A. *Statistiko-kombinatornye metody v teoreticheskom i prikladnom jazykoznanii* [Statistical and combinatorial methods in theoretical and applied linguistics]. Leningrad: Nauka, 1967.
12. Peshkovskij A. M. *Lingvistika. Poetika. Stilistika: Izbrannye Trudy* [Linguistics. Poetics. Stylistics: Selected Works]. Moscow: Vysshaja shkola, 2007.

13. Chernykh P. Y. *Istoriko-etimologičeskij slovar' sovremenogo russkogo jazyka* [Historical and etymological dictionary]. Moscow: Russkij jazyk. 13560 words.
14. Abaev V. I. O podache omonimov v slovare [On the description of homonyms in a dictionary]. In *Voprosy jazykoznanija*. 1957. No. 3. Pp. 31–43.
15. Arkadieva T. G. *Etimonymy v leksicheskoj sisteme sovremenogo russkogo jazyka* [Etymonyms in the lexical system of the modern Russian language]. Leningrad, 1990.
16. Melnikov G. P. *Sistemnaja tipologija jazykov: sintez morfoložičeskoj klassifikatsii jazykov so stadialnoj* [Systemic typology of languages: a synthesis of morphological and stadial typologies]. Moscow, 2000.
17. *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [The dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 1–... Moscow; Leningrad: Nauka, 1965–...
18. Trubachev O. N. Remeslennaja terminologija v slavyanskikh jazykakh [Terminology of crafts in Slavic languages]. In *Trudy po etimologii. Slovo. Istorija. Kultura* [Works on etymology. Words. History. Culture]. Vol. 3. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi, 2008.
19. Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskij dialekt* [Old Novgorod dialect]. Moscow: Shkola "Jazyki ruskoj kultury", 1995.
20. Kuznetsova A. I., Efreмова T. F. *Slovar' morfem russkogo jazyka* [The Dictionary of Russian morphemes]. Moscow: Russkij jazyk, 1986.
21. *The Large Academic Dictionary of the Russian language*. Moscow: Nauka, 2004. . .
22. Varbot Z. Z. K rekonstruktsii i etimologii nekotorykh praslavyanskikh glagolnykh osnov i otglagolnykh imen [On the reconstruction of some Proto-Slavic verb stems and nouns derived from verbs]. In *Etymology*. 1971. Moscow: Nauka. Pp. 3–19.
23. *Russkaja dialektologija*. [Russian Dialectology]. Ed. by N. A. Meshchersky. Moscow: Vysshaja shkola, 1972.
24. Avanesov R. I. *Očerki po russkoj dialektologii* [Essays on Russian dialectology]. Part 1. Moscow: Uchpedgiz RSFSR, 1949.
25. *Staroslavjanskij slovar' (po rukopisyam X–XI vekov)* [Old Slavonic Dictionary (based on the manuscripts of the 10th–11th centuries)]. Ed. by R. M. Tseitlin, R. Večerka and E. Blagova. Moscow: Russkij jazyk, 1994.

Воронежский государственный университет
 Кретов А. А., доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики
 E-mail: a_a_kretov@rgph.vsu.ru

Voronezh State University
 Kretov A. A., Doctor of Philology, Professor of the Theoretical and Applied Linguistics Department
 E-mail: a_a_kretov@rgph.vsu.ru

Поступила в редакцию 5 июня 2020 г.
 Принята к публикации 25 сентября 2020 г.

Received: 5 June 2020
 Accepted: 25 September 2020

Для цитирования:

Кретов А. А. Индекс морфем и фонем русского языка // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 4. С. 115–127. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.4/3087>

For citation:

Kretov A. A. I. B. Itkin's index of morphonemes and phonemes of the Russian language. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2020. No. 4. Pp. 115–127. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.4/3087>